

Странная книга

А.Ю. Огородников

Артем Огородников

Странная книга

<https://litres.ru/74296852>

SelfPub; 2026

Аннотация

Издание адресовано подросткам, которые чувствуют себя «не такими», ищут своё место в мире и готовы к честному разговору с собой.

«Странная книга» — это честный и безжалостный разговор с тем, кто чувствует себя «не таким, как все». С тем, кто с детства замечает трещины в словах взрослых, видит ложь в улыбках друзей и чувствует пустоту там, где другие видят «нормальную жизнь». С тем, кто не может играть роли, кто не хочет врать себе и кто стоит на границе между миром иллюзий и миром честности.

Главный герой — подросток, который проходит путь от отчаяния и одиночества через встречу с таинственной книгой и её автором — Свидетелем, который не спасает и не учит, а просто смотрит и не отворачивается. Через падения и возвращения, через удары и предательства он учится принимать свой дар видеть то, что другие не хотят замечать, и оставаться собой, когда весь мир хочет, чтобы ты был удобным.

Содержание

Часть 1.	6
Глава 1. Обычный день	7
Глава 2. Учитель, который врёт	11
Глава 3. Родители, которые ссорятся	15
Глава 4. Друг, который предаёт	20
Глава 5. Тишина в комнате	25
Часть 2.	30
Глава 6. Странная книга	31
Глава 7. Человек, который смотрит	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Артем Огородников

Странная книга

Предисловие

Эта книга — не для всех.

Если ты никогда не чувствовал, что ты — не такой, как все. Если ты никогда не замечал, что взрослые говорят одно, а делают другое. Если ты никогда не задавал себе вопрос: «Почему я это вижу, а другие — нет?» — тогда закрой её.

Для тебя есть другие книги. Они добрые. Они утешают. Они обещают, что всё будет хорошо.

Эта книга не обещает. Она не утешает.

Она называет вещи своими именами.

Это книга для тех, кто видит трещины.

Трещины в словах учителей. Трещины в улыбках друзей. Трещины в голосах родителей. Трещины в самом воздухе, которым все дышат. Ты чувствуешь их. Ты чувствуешь, что мир — не такой, как кажется. Что все играют роли.

И ты не знаешь, что с этим делать.

Ты думаешь, что ты сломанный. Что с тобой что-то не так. Что ты не умеешь жить, как все. Что ты должен быть как все. Ты не должен.

Ты не сломанный. Ты — тот, кто видит. То, что другие не видят. То, что другие не хотят видеть. Это — не проклятие. Это — дар. Но дар, за который надо платить.

Эта книга — о том, как платить эту цену.

О том, как оставаться собой, когда весь мир хочет, чтобы ты был как все. О том, как говорить правду, когда за это бьют. О том, как искать других, когда ты один. О том, как стоять на Границе — между миром ролей и миром честности.

Она не даст тебе ответов.

Она покажет тебе вопросы. Она покажет тебе путь. Она покажет тебе, что ты не один. Что где-то есть другие. Что они тоже ищут. Что они тоже ждут.

Она — как дверь.

Ты должен открыть её сам.

Я не знаю, кто ты. Не знаю, сколько тебе лет. Не знаю, где ты живёшь. Не знаю, что ты чувствуешь.

Но я знаю, что если ты держишь эту книгу в руках — ты уже на пути. Ты уже видишь. Ты уже ищешь. Ты уже стоишь на Границе.

Ты не один.

Я не могу пойти с тобой. Я не могу найти тебе других. Я не могу показать тебе дорогу. Я уже показал всё, что мог. В этих словах. В этих историях. В этих вопросах.

Дальше — ты сам.

Но я хочу, чтобы ты запомнил одно: ты не сломанный. Ты не ошибка. Ты — тот, кто видит. И это — самое важное.

Теперь иди.

Часть 1.

Мир, который кажется нормальным

Самое страшное — не трещины. Самое страшное — что их никто не замечает.

Глава 1. Обычный день

Он проснулся от будильника.

Не от того, что звенел. А от того, что он просто — зазвонил. Как всегда. В одно и то же время. В один и тот же день. Как будто мир — это повторяющаяся запись.

Он открыл глаза. Потолок. Белый. Трещина. Он знал эту трещину. Он смотрел на неё каждое утро. Она не менялась.

За окном — серое небо. Или белое. Или просто — никакое. Он не мог отличить. В этом городе небо всегда было никаким.

Он встал. Пошёл в ванную. Вода — тёплая. Или холодная. Он не чувствовал. Он просто делал то, что делал всегда.

Завтрак. Хлопья. Молоко. Ложка. Тарелка. Всё на своих местах. Всё как вчера. Всё как позавчера. Всё как всегда.

Мама сказала: «Доброе утро». Он ответил: «Доброе утро». Она улыбнулась. Он улыбнулся. Всё правильно. Всё как надо.

Папа читал новости в телефоне. Не поднимая головы. Он сказал: «Как спалось?» Он ответил: «Нормально». И это была правда. Потому что «нормально» — это когда ничего не происходит.

Школа.

Коридор. Запах. Тот же самый. Каждый день. Он не знал, чем пахнет школа. Просто — знал, что пахнет.

Учительница говорила. Слова текли. Как вода. Он слышал их. Но не запоминал. Что-то про домашнее задание. Что-то про контрольную. Что-то про «вы должны понять».

Он смотрел в окно. Дерево. Одно. Оно стояло там всегда. Сколько он себя помнил — оно стояло. Листья менялись. А дерево — нет.

Друг толкнул его локтем. «Ты чего? Не спи». Он повернулся. Улыбнулся. Сказал: «Да нет, просто задумался».

Он не знал, о чём он задумался. Просто — его не было. Здесь. В этом классе. Среди этих лиц.

Перемена.

Шум. Кто-то кричал. Кто-то смеялся. Кто-то бегал. Всё как всегда. Он стоял у стены. Смотрел.

Он видел, как один мальчик толкнул другого. Тот упал. Все засмеялись. Мальчик встал. Улыбнулся. Он тоже засмеялся.

Он не понимал. Почему он смеётся? Ему же больно. Почему он улыбается? Ему же стыдно.

Он не спросил. Он просто смотрел.

Домой.

Дорога. Те же улицы. Те же дома. Те же люди. Он знал их всех. Не по именам. А по лицам. По тому, как они идут. По тому, как они смотрят. По тому, как они не смотрят друг на друга.

Он зашёл в подъезд. Лифт не работал. Он поднялся пешком. Пять этажей. Сто восемь ступенек. Он считал их каж-

дый день. Не потому что надо. А потому что больше нечего было считать.

Ключ. Дверь. Тишина.

Мама ещё не вернулась. Папа ещё не вернулся. Он один. В комнате. С потолком. С трещиной.

Он сел на кровать. Смотрел в окно. Небо — серое. Или белое. Или никакое.

И вдруг — он почувствовал.

Не страх. Не грусть. Не злость.

А — пустоту. Как будто внутри него никого нет. Как будто он — не он. Как будто он — просто набор действий. Которые повторяются. День за днём.

Он не знал, что это.

Он просто сидел. Смотрел в окно. И ждал. Сам не знал чего.

Вечер.

Ужин. Мама спросила: «Как прошёл день?» Он сказал: «Нормально». Она кивнула. Папа кивнул. Все кивнули. Все знали, что «нормально» — это правильный ответ.

Он лёг спать.

Потолок. Трещина. Он смотрел на неё.

И думал: «Почему я чувствую это? Почему другие не чувствуют? Почему я не могу быть как они?»

Он не знал ответа.

Он закрыл глаза.

И провалился в сон, в котором не было ни школы, ни улиц,

ни трещины на потолке. Только тишина. Только он.

Глава 2. Учитель, который врёт

Утром в школе было как всегда.

Но что-то было не так. Он не мог объяснить что. Просто — чувствовал. Как будто воздух стал тяжелее. Как будто все слова, которые говорили люди, — были неправильными.

Он сел за парту. Открыл тетрадь. Смотрел на доску.

Учительница вошла. Улыбнулась. Сказала: «Доброе утро, дети».

Все ответили: «Доброе утро, Марья Ивановна».

Он тоже ответил. Он знал, что надо отвечать.

Учительница начала урок.

Она говорила о честности. О том, что важно говорить правду. О том, что ложь — это плохо. О том, что честные люди — всегда побеждают. Что они — достойны уважения. Что они — пример для других.

Она говорила это красиво. Уверенно. Как будто она знала.

Он смотрел на неё. И слушал.

А потом он заметил.

Она сказала: «Я всегда говорю правду».

А потом она посмотрела на класс. И сказала: «Ваня, ты снова не сделал домашнее задание?»

Ваня не сделал. Это было видно. Он краснел. Он молчал.

Учительница сказала: «Ну ничего. В следующий раз постарайся. Я верю, что ты можешь лучше».

Она улыбнулась. Ване стало легче. Он кивнул.

А он, герой, смотрел. И видел.

Она знала, что Ваня не сделал. Она знала, что он не сможет сделать. Она знала, что он не постарается.

Но она сказала: «Я верю в тебя».

Почему она сказала это? Ваня не сделал. Она знала, что он не сделал. Зачем она сказала, что верит?

Он не понимал.

А потом она посмотрела на него.

«Ты какой-то задумчивый. Что случилось?»

Он посмотрел на неё. Он хотел сказать: «Вы сказали, что верите в Ваню. Но вы не верите. Вы просто сказали, чтобы он не расстраивался».

Он не сказал этого.

Он сказал: «Ничего. Я просто устал».

Она улыбнулась. Кивнула. И продолжила урок.

Он смотрел в тетрадь. И думал: «Она врёт. Она говорит, что говорит правду. Но она врёт. Она говорит, что верит в Ваню. Но она не верит».

Он не знал, как это назвать. Он не знал, почему она так делает. Он просто чувствовал: это — неправильно.

На перемене он подошёл к учительнице.

«Марья Ивановна, можно вопрос?»

«Конечно», — она улыбнулась.

«Вы сказали, что верите в Ваню. Вы на самом деле верите?»

Она посмотрела на него. Улыбка стала чуть меньше. Она сказала: «Конечно, верю. Каждый ребёнок может быть лучше, если в него верить».

Он посмотрел на неё. Он хотел сказать: «Но вы не верите. Вы просто сказали, чтобы он не чувствовал себя плохо».

Он не сказал этого.

Он сказал: «Понятно. Спасибо».

Он ушёл. Он не знал, почему он спросил. Он просто — хотел понять.

А она — не ответила.

В конце урока учительница сказала классу:

«Запомните: честность — это главное. Честный человек всегда побеждает. Ложь всегда раскрывается. Правда всегда побеждает».

Все кивали. Все соглашались.

Он не кивал.

Он смотрел на неё. И думал: «Ты говоришь о честности. Но ты врёшь. Ты говоришь, что правда побеждает. Но ты не говоришь правду. Ты просто говоришь то, что надо говорить. Чтобы все улыбались. Чтобы никто не спорил».

Он не сказал этого. Он просто смотрел.

Вечером он лежал в кровати. Смотрел на потолок. Трещина. Он смотрел на неё.

И думал: «Почему она врёт? Она же знает, что врёт. Она же умная. Почему она продолжает говорить то, во что не верит?»

Он не знал ответа.

Но он знал одно: она — не одна. Все так делают. Все говорят одно — а делают другое. Все улыбаются — когда не хотят улыбаться. Все говорят «я верю» — когда не верят.

И он тоже так делал.

Он тоже улыбался, когда не хотел. Он тоже говорил «нормально», когда было не нормально. Он тоже говорил «я понимаю», когда не понимал.

И вдруг он понял: он — такой же. Как все.

Но он не хотел быть таким.

Он не знал, как быть другим.

Он просто лежал. Смотрел на трещину. И ждал.

Сам не знал — чего.

Глава 3. Родители, которые ссорятся

В тот вечер он вернулся из школы позже обычного.

Он не хотел домой. Он ходил по улицам. Смотрел на витрины. На людей. На собак. На всё, что двигалось. Лишь бы не идти домой.

Но всё равно пришёл.

Ключ. Дверь. Тишина. Он подумал: «Может, никого нет? Хорошо».

Он разулся. Прошёл в коридор. И услышал.

Голоса.

Негромкие. Но резкие. Как будто слова резали воздух.

Он остановился. Он не хотел идти дальше. Он хотел развернуться. Выйти. Уйти. Куда угодно.

Но он не мог. Он стоял. И слушал.

«Ты никогда меня не слушаешь!» — мамин голос.

«Я слушаю! Но ты говоришь одно и то же каждый день!» — папин голос.

«Потому что ты не меняешься!»

«А ты не даёшь мне времени!»

«Времени? У тебя было десять лет!»

«Десять лет я терплю твои претензии!»

«Терпишь? Ты называешь это терпением? Ты просто игнорируешь!»

Голоса становились громче. Слова — острее. Они не кри-

чали. Они просто — говорили. Но каждое слово было как удар. Он чувствовал их. Хотя они были не про него.

Он стоял в коридоре. Не двигался. Не дышал.

Он слышал их каждый вечер. Не всегда громко. Не всегда долго. Но всегда — одно и то же. Один говорит. Другой не слушает. Другой говорит. Первый не слышит.

Они говорили о деньгах. О работе. О времени. О том, кто что должен. О том, кто кому должен.

Они не говорили о любви. Он заметил это давно. Слово «любовь» они не произносили. Они говорили «надо», «должен», «ты обещал», «я устала».

Он не знал, когда это началось. Он помнил, что раньше они улыбались друг другу. Раньше они смотрели друг на друга. Раньше они смеялись. Теперь — нет.

Теперь они просто говорили. И не слышали.

Он тихо прошёл в свою комнату. Закрыл дверь. Сел на кровать. Смотрел в стену.

Он слышал их даже сквозь дверь. Слова не исчезали. Они просачивались. Как вода. Как дым. Они заполняли комнату. Они заполняли его.

Он думал: «Они любят друг друга? Они говорят, что любят. Они говорят, что хотят быть вместе. Но они не смотрят друг на друга. Они смотрят в телефоны. Они смотрят в пол. Они смотрят куда угодно. Только не друг на друга».

Он не знал, что такое любовь. Ему казалось, что любовь — это когда люди смотрят друг на друга. Когда они улыбаются.

Когда они молчат — и им хорошо.

А они — кричали. Или не кричали. Они просто — говорили. И молчали. И это было хуже крика.

Он не выдержал. Он встал. Открыл дверь. Вышел в коридор. Прошёл мимо кухни.

Они замолчали. Посмотрели на него.

Мама улыбнулась. Спросила: «Ты голодный?»

Он не знал, как она может улыбаться. Только что она кричала. Только что она говорила, что устала. Что не может больше. А теперь — улыбается. Как будто ничего не случилось.

Он смотрел на неё. И думал: «Почему ты улыбаешься? Ты же только что плакала. Я слышал. Твой голос дрожал. Почему ты не показываешь это? Почему ты прячешь?»

Он не спросил.

Он сказал: «Нет, я не голоден. Я пойду к себе».

Он развернулся. Ушёл. Закрыл дверь. Лёг на кровать. Смотрел в потолок.

Он слышал, как они заговорили снова. Тише. Чтобы он не слышал. Но он слышал.

«Он слышал», — сказала мама.

«Ничего страшного», — сказал папа. «Он уже большой».

«Он не должен это слышать».

«Он уже слышит это каждый день».

Они замолчали. И он замолчал.

Ночью он не мог уснуть.

Он лежал. Смотрел в потолок. Думал.

«Если они любят друг друга — почему им так больно друг с другом? Если они не любят — почему они остаются вместе?»

Он не знал. Он не мог спросить. Он боялся спросить.

Вдруг ответ будет таким, что ему станет ещё хуже.

Он закрыл глаза.

И вспомнил, как они смеялись. Давно. В парке. Он был маленький. Они играли. Он бегал. Они смеялись. Втроём. Все вместе. Он помнил этот день. Ярко. В деталях.

Он не знал, куда ушёл тот день.

Он не знал, вернётся ли он когда-нибудь.

Утром мама стояла у плиты. Папа пил кофе.

Они не смотрели друг на друга.

Но мама сказала: «Приятного аппетита». И папа сказал: «Спасибо».

Вежливо. Правильно. Как в фильмах. Как надо.

Он сел за стол. Смотрел на них. Они улыбались. Они говорили о погоде. О планах на выходные. О том, что надо купить хлеб.

Как будто ничего не случилось.

Он смотрел. И чувствовал: «Это — не любовь. Это — роли. Они играют роли. Они играют, что они — семья. Что всё хорошо. Что они любят друг друга».

Он не знал, кто сказал им играть эти роли. Может, они сами. Может, мир. Может, так надо.

Он не знал.

Но он знал одно: он не хочет так жить. Когда вырастет — он не хочет так жить.

Он не знал, как жить иначе. Но он знал: так — не надо.

Он пошёл в школу. И думал всю дорогу.

«Они врут. Не мне. Себе. Они говорят, что всё хорошо. Что они любят друг друга. Но они не любят. Они просто — живут вместе. Потому что так надо. Потому что привыкли. Потому что не знают, как иначе».

Он остановился. Посмотрел на небо. Серое. Или белое. Или никакое.

И вдруг он понял. Он понял, что чувствовал всю жизнь. Что не мог назвать. Что не мог объяснить.

Он не хотел быть как они.

Он не хотел играть роль. Он не хотел говорить, что любит, когда не любит. Он не хотел улыбаться, когда внутри пустота. Он не хотел жить в мире, где все врут себе — и называют это «нормальной жизнью».

Он не знал, что с этим делать. Он не знал, как быть другим. Он просто знал: он не хочет быть таким.

И этого было достаточно.

Глава 4. Друг, который предаёт

У него был друг.

Настоящий. Не просто «одноклассник» или «сосед по парте». А тот, с кем можно было молчать. С кем можно было не играть роль. С кем можно было быть собой.

Они познакомились давно. В первом классе. Сели рядом. Посмотрели друг на друга. И что-то щёлкнуло. Как будто они узнали друг друга.

Не словами. Не жестами. А просто — взглядом.

Они не говорили о важном. Они просто — были рядом. Играли. Смеялись. Молчали. Им было хорошо вместе. Без объяснений. Без причин.

Герой думал: «Он — мой. Он понимает. Он видит то же, что и я. Мы — вместе».

Он не говорил этого вслух. Но он знал.

Они росли. Вместе.

Ходили в одну школу. Сидели за одной партой. Делились бутербродами. Спорили о фильмах. Молчали о том, о чём нельзя говорить.

Иногда герой хотел сказать ему что-то важное. О том, что он чувствует. О том, что мир — не такой, как кажется. О том, что взрослые врут.

Но он не говорил. Он боялся. Вдруг друг не поймёт? Вдруг он тоже скажет: «Ты слишком серьёзный»?

Он молчал. И друг молчал.
Но герой знал: он понимает.

Однажды на перемене они стояли у стены. Молчали. Как всегда.

К ним подошёл другой мальчик. Громкий. Уверенный. Тот, кого все слушались.

Он посмотрел на героя. Усмехнулся. Сказал: «Ты что, всё время молчишь? Ты вообще умеешь говорить?»

Герой не ответил. Он не знал, что сказать. Он смотрел в пол.

А друг — не молчал.

Друг сказал: «Он просто такой. Он стесняется. Он вообще много чего боится».

Герой поднял голову. Посмотрел на друга. Друг улыбался. Не ему. А тому мальчику. Как будто они были заодно.

Герой почувствовал укол. Не боль. А холод. Как будто что-то сломалось внутри.

Он не сказал ничего. Он просто отошёл.

Потом были другие моменты.

Друг смеялся над другими. Теми, кто слабее. Теми, кто не мог ответить. Он смеялся вместе со всеми. Он был «своим».

Герой смотрел на него. И не узнавал.

«Почему ты смеёшься?» — спросил он однажды. «Ты же знаешь, что ему больно».

Друг посмотрел на него. Удивился. Сказал: «Это же просто шутка. Не будь таким серьёзным. Все смеются. Ты что,

не понимаешь?»

Герой не ответил. Он понял. Друг понимал, что это — не шутка. Но он смеялся. Потому что так надо. Потому что все смеются. Потому что иначе — ты тоже станешь тем, над кем смеются.

Самый страшный разговор случился после школы.

Они шли домой. Молчали. Как всегда. Но в этот раз молчание было другим. Тяжёлым.

Герой не выдержал. Он сказал:

«Ты врешь. Ты не такой, каким притворяешься. Ты смеёшься, когда тебе не смешно. Ты говоришь, что мы друзья — но ты предаёшь меня, когда рядом другие».

Друг остановился. Посмотрел на него. Его лицо изменилось. Он не улыбался.

Он сказал: «Ты думаешь, я не знаю? Ты думаешь, я не вижу? Я всё вижу. Я вижу, что мир — дерьмо. Я вижу, что все врут. Я вижу, что нет никакой справедливости. Но я не хочу быть как ты. Я не хочу быть изгоем. Я не хочу, чтобы надо мной смеялись. Я хочу быть как все. Я хочу быть нормальным».

Герой смотрел на него. И не узнавал. Это был не его друг. Это был кто-то другой. Кто-то, кто сдался. Кто выбрал мир ролей. Кто выбрал быть удобным.

Он сказал: «Ты не нормальный. Ты — пустой. Ты играешь роль. Ты стал тем, над кем мы смеялись».

Друг не ответил. Он просто ушёл. Быстро. Не оборачива-

ясь.

Герой остался один.

Он стоял на улице. Смотрел вслед другу. И думал: «Он был моим другом. Мы были вместе. Мы видели одно и то же. Но он сдался. Он выбрал быть как все. Он выбрал врать. Он выбрал смеяться над тем, что понимал».

Герой не плакал. Он хотел. Но не мог.

Он просто смотрел. И чувствовал. Не злость. Не обиду. А — пустоту. Как будто часть его ушла вместе с другом.

Он не знал, вернётся ли друг. Он не знал, захочет ли он вернуться.

Но он знал одно: он не будет как он. Он не сдастся. Он не будет врать. Он не будет смеяться, когда не смешно.

Даже если останется один.

Ночью он лежал в кровати. Смотрел на потолок. Трещина. Она была там всегда. Она не менялась.

Он думал о друге. О том, как они молчали вместе. О том, как им было хорошо. О том, как это закончилось.

И он понял. Он не потерял друга. Он потерял того, кого придумал. Того, кто никогда не существовал. Того, кто был его отражением.

Друг был не с ним. Друг был с собой. С тем, кого он хотел видеть.

Но теперь он знал.

Он закрыл глаза.

И подумал: «Если даже он сдался — значит, я один. Зна-

чит, я должен быть готов. К тому, что никто не поймёт. К тому, что никто не будет рядом. К тому, что я останусь один».

Он не знал, что будет дальше. Но он знал: он не сдастся.

Не потому что он сильный. А потому что он не может иначе.

Глава 5. Тишина в комнате

Он закрыл дверь.

Не хлопнул. Не запер. Просто — закрыл. Как делал каждый день.

Но в этот раз дверь закрылась как-то иначе. Как будто за ней остался весь мир. Все люди. Все голоса. Все роли. Все слова, которые надо было говорить. И не надо было говорить. Всё, что он нёс в себе весь день.

А здесь — остался только он.

Он стоял посреди комнаты.

Смотрел на вещи. Стол. Стул. Кровать. Шкаф. Всё на своих местах. Ничего не двигалось. Никто не говорил. Никто не просил. Никто не ждал.

И вдруг он понял: он не знает, что делать.

Раньше всегда было что-то. Уроки. Разговоры. Телефон. Игры. Что угодно. Что-то, что заполняло время.

А сейчас — ничего. Только тишина. И он.

Он сел на кровать. Не знал, зачем. Просто — сел.

Тишина была необычной.

Она не была «пустой». Она была — плотной. Как вода. Как воздух перед грозой. Она не давила. Она просто — была. И он был в ней.

Он смотрел в окно. За окном — серое небо. Или белое. Или никакое. Он не знал. Он не смотрел на небо. Он смотрел

сквозь него.

Он слышал звуки. Где-то далеко — машина. Где-то рядом — шаги. Кто-то прошёл по лестнице. Кто-то открыл дверь. Но всё это было далеко. Не здесь.

Здесь — только тишина. И он.

Он лежал на кровати. Смотрел на потолок.

Трещина. Он знал её. Она была там всегда. Он смотрел на неё каждую ночь. Но сейчас он видел её иначе.

Он не видел трещину. Он видел — себя. Свои мысли. Свои чувства. Свои вопросы. Свои страхи. Всё, что он прятал весь день.

Он не знал, как с ними быть. Они были здесь. В нём. Они не уходили. Они не замолкали.

Он вспомнил день.

Учительница, которая врёт. Она говорила о правде. Но она врала. И все делали вид, что не видят.

Родители, которые ссорятся. Они говорят о любви. Но они кричат. Они живут вместе — но они не вместе.

Друг, который предаёт. Он был рядом. Он понимал. А потом он выбрал быть как все. Он выбрал врать. Он выбрал смеяться над тем, что понимал.

Он лежал. И думал: «Почему все так делают? Почему они врут? Почему они играют роли? Почему они говорят одно — а делают другое?»

Он не знал ответа. Он не мог найти его.

Он перевернулся на бок. Смотрел в стену. Стена была бе-

лая. Серая. Или никакая. Он не знал. Он не видел цвета. Он видел пустоту.

«Почему я чувствую это? — думал он. — Почему другие не чувствуют? Почему им легко врать? Почему им легко смеяться? Почему им легко быть как все?»

Он не понимал. Он думал, что он — сломанный. Что с ним что-то не так. Что он не умеет жить, как все.

Но внутри, глубоко, был голос. Тихий. Он говорил: «Ты не сломанный. Ты просто видишь. Ты просто чувствуешь. Ты не хочешь врать себе».

Он не знал, верить ли этому голосу. Он хотел верить. Но он боялся.

Он встал. Подошёл к столу. Взял телефон. Посмотрел на экран. Сообщения. Уведомления. Смешные картинки. Всё, что отвлекает. Всё, что заполняет тишину.

Он хотел открыть их. Он хотел забыть. Он хотел стать как все. Просто листать. Просто смотреть. Просто не думать.

Но он не мог. Он убрал телефон. Поставил на стол.

«Нет. Не сейчас. Я не хочу убегать. Я хочу понять».

Он снова лёг. Смотрел на потолок.

Он не знал, что такое «другой мир». Он не знал, есть ли он вообще. Он просто знал: этот мир — не для него.

Он не хотел играть роли. Он не хотел врать. Он не хотел быть удобным.

Он хотел быть собой.

Но он не знал, что это значит. Кто он? Что он чувствует?

Что он хочет?

Он не знал.

Он смотрел на трещину.

Она не двигалась. Она не менялась. Она просто — была. Как всегда. Как он. Как его вопросы. Как его страх.

И вдруг он понял.

Тишина — не враг. Она — не пустота. Она — пространство. Пространство, где можно услышать себя. Свои мысли. Свои чувства. Свои вопросы. Свои ответы.

Он боялся тишины. Он боялся остаться один. Он боялся услышать себя.

Но сейчас — он слушал.

Он не нашёл ответов. Он не понял всего. Он не стал сильнее.

Он просто — остался. В тишине. С собой.

И этого было достаточно.

Он закрыл глаза.

И подумал: «Может быть, я не сломанный. Может быть, я просто — другой. Может быть, я не должен быть как все. Может быть, я должен быть собой. Даже если я не знаю, кто это».

Он не знал, что будет завтра. Он не знал, изменится ли что-то. Он не знал, поймёт ли он себя.

Но он знал одно: он больше не будет убегать от тишины.

Он будет слушать.

И ждать.

И искать.

Часть 2.

Встреча

Ты думал, что ты один. Но кто-то уже написал книгу специально для тебя.

Глава 6. Странная книга

Это случилось в субботу.

Он не хотел никуда идти. Он хотел лежать на кровати. Смотреть в потолок. Думать. Не думать. Быть. Не быть.

Но мама сказала: «Ты целую неделю сидишь дома. Пойди погуляй. Вдруг небо будет синим, а ты пропустишь».

Он не знал, зачем ему синее небо. Но он встал. Оделся. Вышел.

Небо было серым. Или белым. Или никаким.

Он пошёл по улице. Просто — шёл. Не зная куда.

Он оказался у старой библиотеки.

Он не знал, зачем пришёл сюда. Он не любил читать. Он не любил книги. Он не любил слова, которые складываются в правильные предложения. Он не любил всё правильное.

Но он зашёл. Просто — зашёл.

Внутри было тихо. Почти как в его комнате. Только пахло иначе. Старой бумагой. Пылью. Временем.

Он прошёл между полками. Смотрел на корешки. Названия были незнакомыми. Имена были незнакомыми. Всё было чужим.

А потом — он остановился.

Одна книга стояла отдельно.

Не на полке. Не в ряду. А просто — лежала на столике у окна. Как будто кто-то ждал, что он её возьмёт.

Она была старая. Обложка потёртая. Без названия. Без картинки.

Он взял её. Открыл.

Первая страница была пустой. Вторая — тоже. Третья — тоже.

А на четвёртой было написано.

Не печатными буквами. Не красиво. А просто — от руки. Крупно. Неровно. Как будто писал ребёнок. Или кто-то, кто очень спешил.

Он прочитал.

«Ты не сломанный. Ты просто видишь. То, что другие не видят. То, что другие не хотят видеть. Это — не ошибка. Это — то, что делает тебя собой.

Ты чувствуешь, что мир — не такой, как кажется. Ты прав. Он не такой.

Ты чувствуешь, что взрослые врут. Ты прав. Они врут.

Ты чувствуешь, что ты — не такой, как все. Ты прав. Ты не такой.

Это — не проклятие. Это — дар. Но дар, за который придётся платить.

Ты можешь закрыть книгу. Ты можешь забыть. Ты можешь стать как все.

Или ты можешь читать дальше. И узнать, что такое Граница. И что такое выбор.

Выбирай.»

Он стоял. Смотрел на страницу. И не мог пошевелиться.

Сердце билось. Он чувствовал его. Сначала в груди. Потом в горле. Потом в кончиках пальцев.

Кто написал это? Откуда эта книга? Почему она ждала его?

Он перевернул страницу.

Там было написано:

«Ты не первый. Ты не последний. Такие, как ты, были всегда. Они видели трещины. Они чувствовали ложь. Они не могли быть как все.

Некоторые сдались. Они стали играть роли. Они стали удобными. Они стали пустыми.

Некоторые ушли. Они остались одни. Они молчали. Они ждали.

Некоторые нашли друг друга. Они создали свой мир. Мир, где не врут. Мир, где можно быть собой.

Я не скажу тебе, что делать. Я не скажу тебе, как жить. Я только скажу тебе, что ты не один.

Если ты это читаешь — значит, ты уже видишь. Значит, ты уже ищешь. Значит, ты уже на пути.

Иди дальше. Не останавливайся. Ты найдёшь тех, кто тоже ищет.

Они ждут тебя. Ты просто ещё не знаешь, где они.»

Он закрыл книгу.

Смотрел на обложку. Потёртую. Без названия. Без картинки. Как будто она специально была такой, чтобы её никто не заметил.

Кроме него.

Он оглянулся. В библиотеке никого не было. Только он. Только тишина. Только книга в руках.

Он сунул её под куртку. И вышел.

Никто не остановил его. Никто не спросил. Никто не видел.

Дома он закрыл дверь. Сел на кровать. Достал книгу.

Он смотрел на неё. И не знал, что делать. Открыть? Спрятать? Выбросить?

Он открыл её.

Перечитал первую страницу.

Потом вторую.

Потом третью.

Он читал снова и снова. Слова не менялись. Но каждый раз они звучали иначе. Как будто книга говорила с ним. Как будто она знала его.

Как будто она была написана для него.

Он не знал, кто написал её. Он не знал, откуда она. Он не знал, верить ли ей.

Но он знал одно: она была права. Он чувствовал всё, что она написала. Он думал всё, что она написала. Он боялся всего, что она написала.

И вдруг он перестал бояться.

Не совсем. Не полностью. Но впервые за долгое время он почувствовал: «Я не один. Кто-то знает. Кто-то понимает. Кто-то ждёт».

Он лёг на кровать. Книга лежала рядом. Он смотрел на потолок.

Трещина. Она была там. Как всегда.

Но теперь он видел её иначе. Не как трещину. А как что-то, что можно перейти. Как черту. Как дверь.

Он закрыл глаза.

И подумал: «Может быть, я не сломанный. Может быть, я просто — другой. Может быть, я должен искать. Тех, кто тоже видит. Тех, кто тоже ищет. Тех, кто тоже не может быть как все».

Он не знал, где они. Он не знал, как их найти. Он не знал, что будет, когда он их найдёт.

Но теперь он знал: они есть.

Этого было достаточно.

Он уснул с книгой в руках.

И впервые за долгое время — он не боялся проснуться.

Глава 7. Человек, который смотрит

Он не мог перестать думать о книге.

Он читал её каждую ночь. Снова и снова. Слова не менялись. Но они звучали по-разному. Каждый раз — как будто в первый раз.

Особенно одна фраза:

«Ты найдёшь тех, кто тоже ищет. Они ждут тебя. Ты просто ещё не знаешь, где они».

Он хотел верить. Но он не знал, как искать. Где искать. С чего начать.

Он просто ждал.

В понедельник он пошёл в школу.

Всё было как всегда. Коридор. Запах. Голоса. Учительница говорила о честности. Все кивали. Все соглашались. Все врали.

Он смотрел на них. И думал: «Может быть, среди них есть кто-то, кто тоже читал эту книгу? Кто-то, кто тоже видит?»

Он смотрел на лица. На глаза. На то, как они двигаются. Как говорят. Как молчат.

Он не видел. Никто не смотрел в ответ. Никто не искал.

Он чувствовал себя ещё более одиноким.

На перемене он стоял у стены. Как всегда. Никто не подходил. Никто не говорил. Он был невидимым.

А потом — он увидел.

Человек стоял в конце коридора.

Не учитель. Не ученик. Просто — человек. Взрослый. Но не старый.

Он стоял неподвижно. Смотрел прямо на героя. Не отводил взгляд. Не улыбался. Не пытался казаться приветливым.

Он просто — смотрел.

Герой почувствовал это. Как будто кто-то коснулся его плеча. Он поднял голову. И встретился взглядом.

Человек не отвёл глаз. Он не моргнул. Он не сделал ничего.

Он просто смотрел.

Герой не знал, что делать. Он хотел отвести взгляд. Он хотел уйти. Он хотел спрятаться.

Но он не мог. Что-то держало его. Как будто взгляд этого человека был сильнее его страха.

Он сделал шаг. Потом другой. Он шёл к нему.

Человек не двигался. Он ждал.

Герой остановился в двух шагах.

Он не знал, что сказать. Он смотрел на человека. И вдруг заметил.

У него были такие же глаза. Как у героя. Не цвет. Не форма. А что-то другое. Что-то, что нельзя объяснить. Как будто он тоже видел трещины. Как будто он тоже чувствовал ложь. Как будто он тоже не был как все.

Герой открыл рот. Хотел сказать что-то.

Человек сказал первым:

— Ты читал книгу.

Это был не вопрос. Это было утверждение.

Герой не мог говорить. Он просто кивнул.

Человек улыбнулся. Не широко. Не радостно. Просто — чуть заметно. Как будто он ждал этого.

— Я знаю. Я написал её.

Герой не мог дышать.

Он смотрел на человека. И не верил. Он хотел спросить: «Зачем? Почему? Как?»

Но он не мог. Слова застряли в горле.

Человек ждал. Он не торопил. Он не давил. Он просто смотрел. Как тогда. Как в книге. Как будто он видел всё. Как будто он знал всё.

Наконец герой нашёл слова.

— Я думал, я один.

Человек кивнул.

— Ты не один. Ты никогда не был один. Ты просто не знал, где искать. Теперь ты знаешь.

— Кто вы? — спросил герой.

Человек посмотрел на него. Долго. Как будто решал, что сказать.

— Я — тот, кто видит. Как ты. Я — тот, кто тоже не мог быть как все. Я искал. Я находил. Я терял. Я писал эту книгу для тех, кто ещё ищет. Для тех, кто ещё не знает, что он не один.

Он замолчал. Потом добавил:

— Я — твой свидетель.

Герой не знал этого слова. «Свидетель». Оно звучало странно. Как будто оно что-то значило. Что-то важное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.